

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 1917 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В статье анализируются способы организации избирательных кампаний в провинции в условиях Российской революции 1917 года, итоги выборов в городские думы, волостные земства, Учредительное собрание.

Ключевые слова: Положение о выборах, политические партии, думы, земства, Учредительное собрание.

Российская революция 1917 г. феноменальна не только по своим итогам, но и по разнообразному характеру политических преобразований, предпринятых в условиях общенационального кризиса. Вопрос о власти как основной вопрос революции неоднократно рассматривался в новейшей историографии. Законотворческая деятельность революционеров-февралистов была направлена на реорганизацию политической системы страны. Они разработали и стали внедрять так называемую «четырёххвостку» (всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании). Некоторые сюжеты, характеризующие платформы политических партий в избирательных кампаниях [1; 11; 12; 15], итоги выборов в думы, земства, Учредительное собрание [7; 12; 15], социопсихологические аспекты поведения отдельных групп электората [2; 8; 14] рассматривались в исторической литературе. Предвыборная политическая борьба частично затрагивалась в исследованиях, посвященных специфике революционных процессов в отдельных регионах страны [2; 7; 9; 13; 18; 19]. Однако вопрос о том, почему демократической избирательной системе большинство населения страны предпочло принципы непосредственного представительства, продолжает оставаться дискуссионным.

В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. формирование местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права было объявлено приоритетной задачей, которую необходимо решить в ходе государственных преобразований. Чтобы предотвратить местную самодеятельность в реорганизации органов самоуправления, Временное правительство 23 марта 1917 г. образовало Особое совещание. В нем участвовали видные ученые, деятели земского и городского общественного управления. На Особое совещание возлагалась разработка проектов законов и постановлений об изменениях земского и городского «Положений» и приспособление их к новым условиям общественной жизни. Совещание выработало следующие проекты: 1) волостного земства, волостных финансов, наказа по выборам в волостное земство в 43 земских губерниях; 2) реформы земского избирательного права, наказа по земским выборам, изменения земского положения, улучшения земских финансов, учреждений банка городского и земского кредита; 3) введения земства в Сибири и в Архангельской губернии, в Степном крае, Туркестане и других губерниях и краях; 4) реформы городского избирательного права; 5) поселкового управления и наказа по выборам поселковых гласных; 6) положения о милиции, административных судах и комиссариатах; 7) введения земства в казачьих областях и на Кавказе [4. Л. 1–2]. При этом разработчики государственных реформ стремились сохранить приоритет центрального руководства, единообразие системы управления. Кроме того, органы

* © Кабытова Н.Н., 2016

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

самоуправления должны были подготовить население к выборам в центральные и местные структуры правительственной власти.

Временное правительство разработало план построения свободного гражданского общества, но он мало учитывал реалии народной жизни. В связи с этим обычная предвыборная борьба политических партий и общественных объединений, развернувшаяся на местах, меньше влияла на разрешение социальных конфликтов, чем положение дел в советах и комитетах. В революционном процессе обычные элементы строительства демократического государства были гораздо менее важны, чем правотворчество масс, влиявшее прежде всего на сущность преобразований. В столице и российских регионах политическая дифференциация общества проявлялась по-разному, но в любом случае это приводило к отчуждению народа от новой власти и дальнейшим поискам идеальной модели их взаимоотношений. В условиях продолжающейся революции это способствовало утверждению за органами социального контроля властных функций.

Политическая деятельность партий и союзов, органов самоуправления и общественных объединений наглядно проявилась в ходе избирательных кампаний 1917 года (выборы в думы, волостные земства, Учредительное собрание). Вопросы государственного строительства продолжали оставаться дискуссионными в общественной жизни. В связи с этим любые мероприятия власти по реорганизации самоуправления активизировали действия всех местных политических и общественных объединений. К тому же постоянные перевыборы советов и комитетов, в которых росло влияние радикальных сил, создавали конкуренцию для властных структур в ходе государственного строительства. Муниципальная избирательная кампания стала первым опытом демократических выборов. Их организация была возложена на исполнительные органы городских дум — управы. Они отвечали за составление списков избирателей, регистрацию кандидатов от политических партий и общественных объединений, финансовое обеспечение избирательной кампании. Объем работ был чрезвычайно велик, а сроки крайне ограничены. Финансовое обеспечение выборов часто превращалось в трудноразрешимую проблему, поскольку традиционные источники налогообложения не могли покрыть растущих потребностей самоуправления в условиях инфляции, вызванной войной и революцией. В такой обстановке муниципальные служащие частью из-за нерасторопности, иногда специально стремились не допустить волеизъявления политических симпатий наиболее радикальных слоев общества, не являвшихся к тому же постоянными жителями городов, как, например, солдаты. Для этого выискивались различные формальные поводы: размещение воинских частей на городской земле, но за чертой усадебной оседлости; либо наоборот — земли принадлежали крестьянскому обществу, а город арендовал их для размещения гарнизона [17. Л. 87]. Такие случаи вызывали волнения среди солдат, использовавшиеся большевиками в антиправительственной пропаганде.

Муниципальные выборы в провинциальных городах проходили в основном в июле—августе, но были случаи, когда они затягивались до сентября—октября 1917 года. В некоторых городах выборы устраивались дважды из-за грубых нарушений, допущенных организаторами в ходе избирательной кампании [15, с.13]. Наряду с общероссийскими закономерностями выборы в городские думы в каждом регионе имели ряд особенностей, характеризующих расстановку политических сил. Это проявлялось в большей степени в губернских городах, чем в уездных. Разумеется, результаты выборов в думы зависели также от срока их проведения, ибо нарастание революционного кризиса влияло на популярность среди избирателей тех или иных политических сил. Активность различных слоев городского населения также была неодинаковой летом и осенью 1917 года, что объясняется укреплением позиций советов рабочих и солдатских депутатов, выступивших реальной альтернативой думам в муниципальном управлении.

В борьбе за электорат политические партии не только критиковали друг друга, но и создавали временные коалиции, которые, впрочем, после выборов, распались из-за противоречий между ними [6. Л. 26]. В случае отмены выборов, проведенных с наруше-

нием демократических процедур, начиналась новая агитационная кампания. Думы реорганизовывали избирательные комиссии, создавались коалиционные штабы из представителей советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, исполнительных комитетов, гарнизонов, милиции [7, с. 31]. Многообразие общественно-политических объединений, участвовавших в муниципальной избирательной кампании, привело, с одной стороны, к дифференциации социальных сил в революции, а с другой – к неспособности структур местного самоуправления решать насущные проблемы своих избирателей.

По закону о выборах земских гласных в них могли участвовать все граждане, достигшие двадцатилетнего возраста, проживавшие в волости, имевшие там собственность, состоявшие на земской или иной местной службе. Таким образом сословное представительство заменялось всеобщими демократическими выборами. Благодаря этому в них участвовали не только общинники, но и хуторяне, отрубщики, помещики, священнослужители, служащие и торговцы. Однако преодолеть синдром «общинной революции» в условиях нарастания общенационального кризиса не удалось даже в юго-восточных, более зажиточных районах Поволжья. В чистом виде, без сложившейся к осени 1917 года практики «черного передела», народнические идеи привлекали не только крестьян-общинников, но и всех мелких собственников в деревне и городе, им симпатизировали многие служащие земских и городских самоуправлений.

Выборы волостных земств, начавшись летом, проходили до конца 1917 г., но большинство их состоялось в сентябре–октябре. Это было связано с трудностями реализации организационных предвыборных мероприятий в сельской местности. К тому же крестьяне-общинники, столь успешно реализовывавшие свои требования через низовые комитеты, с большим подозрением относились к реформе самоуправления, осуществлявшейся Временным правительством. Приверженность архаичным формам самоорганизации и представительства во властных структурах крестьяне проявили с самого начала революции; не изменились их приоритеты и при выборах волостных земств. Хотя организаторы избирательной кампании уверяли, что «деревня ответственно подошла к выборам, выставив большое количество кандидатов в гласные», сообщений о том, что «население относилось к ним равнодушно или даже отрицательно», было предостаточно [3. Л. 32].

Стремление Временного правительства унифицировать органы местного самоуправления в огромной многонациональной стране, не учитывая особенностей самоорганизации народов, ее населявших, не способствовало успеху преобразований. Так, Чебоксарский уездный комиссар 9 октября 1917 г. докладывал Казанскому губернскому комиссару, что при «составлении списков избирателей никаких затруднений не возникало, за исключением мусульманских округов, отказавшихся дать сведения о женской половине населения... За отсутствием классовой или политической борьбы кандидатские списки составлялись или каждой деревней, или группой деревень... Мусульманское население принять участие в тайном и равном голосовании отказалось и выбрало гласных открытым голосованием» [10. Л. 2011].

Уездные земства под эгидой губернских пытались преодолеть негативное отношение крестьян к навязываемым им сверху преобразованиям. Народнические партии и союзы организовывали различного рода агитационно-пропагандистские курсы, «командируя в распоряжение земств, кооперативов и других организаций студентов и курсисток» из Москвы, местных представителей партий социал-демократов, народных социалистов, кадетов, эсеров [6. Л. 7]. Например, программа курсов, разработанная Саратовским обществом народных университетов, включала следующие вопросы: «1) По местному самоуправлению... 2) Конспект Учредительного собрания... 3) Можно ли жить без царя?... 4) Организация сельского общества... 5) Местное строительство» [6. Л. 19].

Земские деятели, состоявшие к осени 1917 г. «сплошь из демократического элемента», скомпрометировали себя в глазах крестьян, осуждая «насильственный захват» ими чужой собственности [10. Л. 8]. При выборах волостных земств крестьяне пред-

почти кандидатов не от партий и союзов, общественных организаций и земских учреждений, а представителей из своей среды. Оценивая промежуточные итоги выборов в Самарской губернии, земские служащие с горечью констатировали: «Выборы нужно признать неудачными. Преобладающий элемент — зажиточные крестьяне, некультурные и малограмотные. Интеллигенции очень незначительно... Понятие о земстве населением усвоено плохо...» [16. Л. 5–6]. По мнению организаторов выборов, в некоторых волостях «состав гласных хороший, прошли преимущественно интеллигенты, между которыми значительная часть учителей, ветеринаров, агентов и прочих» [16. Л. 5–6]. Одновременно «почти везде наблюдалось несознательное отношение к выборам... Были случаи, когда сельские писари... указывали избирателям, что они могут голосовать только за предлагаемый список, хотя это шло вразрез с желанием избирателя». По некоторым волостям выборы были по партийным спискам (эсеров), а по Абдулинской — даже большевики» [16. Л. 5–6].

Неосуществимость принципов земского представительства на выборах Учредительного собрания казалась очевидной всем политическим партиям и течениям, действовавшим в Русской революции 1917 года. Члены «Особого совещания по делам о выборах в Учредительное собрание» образовали специальную комиссию и провели сравнительно-сопоставительный анализ мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Отмеченные недостатки партийно-пропорциональной системы, когда «страна окажется во власти партийной бюрократии» [5. Л. 7], комиссия надеялась преодолеть. Она считала, что пропорциональная система лучше выразит мнение национального и политического меньшинства. Последнее обстоятельство для составителей проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» имело особое значение при их всеобщности. Они успели убедиться в непопулярности на местах губернских и уездных комиссаров Временного правительства, назначенных из числа председателей земских управ. Предпочтя пропорциональную систему мажоритарной, демократические законодатели не смогли предотвратить опасности охлократического диктата в стране.

Выборы в Учредительное собрание проводились по спискам, составленным для избрания городских дум и волостных земств. Широкий спектр партий и объединений, баллотировавшихся на выборах, не изменил общей картины их результатов. В поволжских губерниях большинство мест на выборах в Учредительное собрание получили эсеры, что было вполне закономерно. Выявление социально-экономических требований крестьян в революции показало господство радикально-конфискационных настроений как среди общинников, так и собственников в отношении некрестьянского землевладения. Общинно-уравнительные иллюзии были присущи в значительной степени пролетарским и полупролетарским городским слоям, солдатам среднего возраста. Эсеры, пропагандировавшие идеи социализации земли, находясь во власти, не спешили с реализацией конфискационных мероприятий, опасаясь аграрного беспредела, но обещали утвердить их законодательно. Наконец, в большинстве поволжских губерний к осени 1917 года эсеры стали «партией власти», руководили идейно и организационно избирательной кампанией в Учредительное собрание, а следовательно, имели большие возможности склонить на свою сторону электорат.

В целом, несмотря на все законодательные инициативы Временного правительства, механизм взаимоотношений между властью и обществом не складывался. Политические партии и общественные объединения, боровшиеся за власть в беспартийной по преимуществу стране, были не способны аккумулировать интересы различных социальных групп, находившихся в состоянии антагонизма. Большее или меньшее влияние на власть и самоуправление им удавалось оказывать лишь в губернских городах. В ходе муниципальной кампании в уездных городах регистрировались общественные группы беспартийных граждан, списки которых получали достаточное для влияния количество голосов на выборах в думы. При выборах волостных земств избирательные списки формировались преимущественно от сельских обществ.

Предпочтение большей частью населения норм общинного права создавало предпосылки для изменения форм регулирования общественных отношений. Советы для рабочих, солдат и даже крестьян оказались предпочтительнее по двум причинам: во-первых, они создавались на основе социального представительства ранее угнетенных классов; во-вторых, формально не несли ответственности за обострившийся кризис власти. Необходимо заметить, что и результаты выборов Учредительного собрания в губерниях Поволжья отражали скорее социальные ожидания большей части избирателей, чем действительную расстановку политических сил. Социалисты-революционеры, одержавшие уверенную победу на выборах, потеряли доверие масс, как только захватившие власть большевики заявили об удовлетворении их радикальных требований, не дожидаясь Учредительного собрания.

Библиографический список

1. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. Ч. II.
2. Бэдкок Сара. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.
3. Государственный архив Пензенской области. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 6. Д.15.
5. ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 34.
6. Государственный архив Саратовской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894.
7. Кабытова Н.Н. Местное самоуправление в 1917 году // Местное самоуправление в России. История и современность: материалы научно-практ. конф. Самара, 2015. С. 28–34.
8. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.
9. Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. Тамбов, 2012.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 44.
11. Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. Ч. II, III.
12. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
13. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
14. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
15. Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы поволжских городов // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.
16. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 1117.
17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26.
18. Шелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014.
19. Яров С.В. Пролетарий как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999.

References

1. Anatomiiia revoliutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast' [Anatomy of revolution. 1917 in Russia: the masses, parties, power]. SPb., 1994, Part II [in Russian].
2. Badcock Sarah. Perepisyvaia istoriiu rossiiskoi revoliutsii: 1917 god v provintsii [Rewriting the history of the Russian revolution: 1917 in a province]. *Otechestvennaia istoriia* [Domestic history], 2007, no. 4, pp. 103–112 [in Russian].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti* [State archive of the Penza Region]. F. 206. Op.1. D. 45 [in Russian]
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F. 1788. Op.6. D. 15 [in Russian].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F. 1811. Op.1. D.34 [in Russian].

6. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of the Saratov Region]. F. 5. Op.1. D. 3894 [in Russian].

7. Kabytova N.N. Mestnoe samoupravlenie v 1917 godu [Local self-government in 1917]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Istorii i sovremennost'»* [Materials of scientific and practical conference «Local self-government in Russia. History and modernity»]. Samara, 2015, pp. 28–34 [in Russian].

8. Kolonitskiy B.I. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniiu politicheskoi kul'tury Rossiiskoi revoliutsii 1917 goda [Symbols of power and struggle for power: exploring political culture of the Russian revolution of 1917]. Spb., 2001 [in Russian].

9. Meshcheryakov Yu.V. Tambovskaia guberniia v nachal'nyi period sovetskoj vlasti. Oktiabr' 1917 – avgust 1918 gg [Tambov province in the initial period of Soviet power. October 1917 – August 1918]. Tambov, 2012 [in Russian].

10. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1246. Op.1. D. 44 [in Russian].

11. Politicheskie partii v rossiiskikh revoliutsiiakh v nachale XX veka [Political parties in Russian revolutions at the beginning of the twentieth century]. M., 2005, Part II, III [in Russian].

12. Protasov L.G. Liudi Uchreditel'nogo sobraniia: portret v inter'ere epokhi [Men of the Constituent Assembly: a portrait in the interior of the era]. M., 2008 [in Russian].

13. D.J. Reilly. Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove [The political fate of a Russian province: 1917 in Saratov]. Saratov, 1995 [in Russian].

14. Sukhova O.A. Desiat' mifov krest'ianskogo soznaniia: ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'ianstva (konets XIX – nachalo KhKh v.) po materialam Srednego Povolzh'ia [Ten myths of peasant consciousness: essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (the end of XIX – beginning of XX century) on the materials of the Middle Volga Region]. M., 2008 [in Russian].

15. Tocheny D.S., Tochenaya N.G. Organizatsii politicheskikh partii na vyborakh v dume povolzhskikh gorodov [The organization of political parties on elections in the Duma of the Volga Region cities] in *Gorodskie srednie sloi v trekh rossiiskikh revoliutsiiakh* [Urban middle strata in the three Russian revolutions]. M., 1989 [in Russian].

16. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti [Central state archive of the Samara Region]. F. 5. Op.9. D. 1117 [in Russian].

17. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti [Central state archive of the Samara Region]. F. 153. Op.41. D. 26 [in Russian].

18. Shchelkov A.B. Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu [Public authorities in the Samara province in 1917]. Samara, 2014 [in Russian].

19. Yarov S.V. Proletarii kak politik: revoliutsiia, voennyi kommunizm i NEP glazami petrogradtsev [Proletariat as a politician: revolution, war communism and the NEP in the eyes of city-dwellers]. SPb., 1999 [in Russian].

*N.N. Kabytova**

ELECTION CAMPAIGNS OF 1917 IN THE RUSSIAN PROVINCE

In the article ways of organization of election campaigns in the province in conditions of the Russian revolution of 1917, results of elections to City Councils, volost zemstvos, Constituent assembly are analyzed.

Key words: Provision on elections, political parties, thoughts, zemstvos, Constituent assembly.

Статья поступила в редакцию 21/XII/2015.

The article received 21/XII/2015.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.